

Г. В. Михеева

О работе над 4-м томом словаря «Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры»

Когда в 2003 г. выходил третий том этого биобиблиографического словаря, мы все, включая главного редактора этого справочного издания Леонида Александровича Шилова, полагали, что, выпустив трехтомник, включавший библиографические справки, посвященные сотрудникам, поступившим на работу в нашу Библиотеку с 1795 по 1945 г. — за 150 лет ее существования, мы выполнили свой долг перед ушедшими поколениями устроителей нашей Библиотеки. На то были свои основания. Значительно легче писать о людях, завершивших свой жизненный путь, хотя и в последнем томе, отразившем поступивших на службу в 1931—1945 гг., было несколько человек — живых свидетелей истории этого временного отрезка. Созданный колоссальным трудом авторов, инициированный и руководимый Леонидом Александровичем Шиловым трехтомник нашел широкий отклик и среди сотрудников Российской национальной библиотеки [1], и среди историков науки и культуры, и среди библиотекарей других библиотек, которые стремились по мере сил и возможностей создавать нечто подобное. Аккумулировавший огромный архивный материал, справочник навсегда останется памятником его основному создателю — Л. А. Шилову. Что греха таить, многие авторы, писавшие справки для этих трех томов, с удивлением обнаруживали в напечатанных вариантах совсем другой текст, основанный на глубоких архивных разысканиях, проработанный и заново написанный Леонидом Александровичем, хотя его подписи под этим новым вариантом не было.

Прошло всего два года, и в 2005 г. вновь возник вопрос о продолжении работы над справочником. Подняли его мы с Людмилой Борисовной Вольфцун и сумели убедить Леонида Александровича в необходимости создания 4-го тома. Возражавший вначале Л. А. Шилов, в итоге согласился с нашими аргументами, сам отказавшись руководить этой работой в силу возраста и со-

стояния здоровья, образно говоря, благословил нас с Людмилой Борисовной на работу над 4-м томом. Какие же аргументы мы сумели выдвинуть, чтобы убедить нашего идейного вдохновителя? Во-первых, с 1945 г., которым заканчивался 3-й том, прошло уже 60 лет, и многих сотрудников, чьи имена войдут в 4-й том, к сожалению, уже нет с нами. Во-вторых, осталось все-таки определенное количество живых людей (по нашим данным на сегодняшний день таковых 165 человек), и для них даже информация о том, что их имена войдут в справочник как деятелей науки и культуры — важное ощущение, что они не забыты, а для пожилых людей это очень важно, их наполняет чувство гордости, что их труд по достоинству оценен учреждением, в котором они либо проработали всю жизнь, либо оказались временно, работали недолго, но даже такая непродолжительная по времени работа оставила след в их судьбах и служила своего рода стартовой площадкой, чтобы со временем стать известным ученым или педагогом, или применять полученные знания, работая в других библиотеках.

И еще в одном я абсолютно уверена — в этом мы всегда расходились с Леонидом Александровичем и подолгу спорили. Я считала и считаю, что все добрые слова, все почести, все благодарности за свой труд люди должны получать при жизни, а не в некрологах, и сама всегда стараюсь следовать этому жизненному принципу.

Кроме того, живые свидетели тех исторических событий, которые происходили в нашей стране, городе, наконец, в Библиотеке, в которой они трудились — очень важный источник, несущий, порой, такую информацию, которую мы не найдем ни в одном документе или потратим на ее поиски бездну времени.

И еще один аргумент был в нашу с Людмилой Борисовной пользу: огромное воспитательное значение подготовки такого справочника для авторов статей. Они не только получают навыки работы с архивными источниками и написания сложных биографических статей (порой, это будет единственная в их жизни печатная работа). Они прикасаются к подлинной истории нашей

Библиотеки, узнают часто не известные им ранее факты и явления, осознают преемственность многим событиям и процессам, могут по-новому оценить и собственную работу, ее важность и необходимость для Библиотеки и общества [2]. И еще. Каждый из авторов отчетливо ли, смутно ли отдает себе отчет в том, что рано или поздно его имя тоже войдет в какой-то будущий том «Словаря», его деятельность на благо и процветание нашей Библиотеки не будет забыта, и потомки-историки РНБ по достоинству ее оценят.

Кстати, потом уже, в процессе работы, появится и еще одна важнейшая ее педагогическая составляющая, о которой я скажу чуть позже.

Итак, с началом 2006 г. мы с Людмилой Борисовной приступили к работе, постоянно консультируясь с Леонидом Александровичем.

Прежде всего необходимо было установить хронологические границы 4-го тома. С нижней хронологической границей все было ясно: предыдущий 3-й том заканчивался военным 1945 годом, поэтому начинать надо было с 1946 года. А вот как же определить верхнюю границу? Первый том, напомним, отразил имена сотрудников, поступивших на службу в ИПБ с 1795 по 1917 год (т. е. за 123 года) — рубежом был революционный 1917 г. Второй том — с 1918 по 1930 г. (т. е. за 13 лет). Предполагалось вначале, что он будет по 1945 г., но собранный материал был столь обширен, что пришлось разделить его на 2 тома: второй по 1930 г. и третий за 1931—1945 гг. (за 15 лет). Дата 1930 г. была выбрана с учетом общеисторической периодизации, основанной на том, что конец 1920-х — начало 1930-х гг. знаменовали собой кардинальные изменения в жизни страны в целом. Кроме того, 1930 год явился известным рубежом и в истории Библиотеки. До этого года в основы разделения фондов и всех библиотечных процессов был заложен отделенческий признак [3]. С конца 1930 года структура Библиотеки была перестроена по новому, функциональному принципу, что повлекло за собой не только существенные перемены в ее деятельности, но оказало большое влияние на изменение кадрового состава, служебных функций ее сотрудников, содержание должностных требований и т. д.

Как же быть с верхней датой 4-го тома? Здесь тоже сработала в первую очередь общеисторическая периодизация. Чем были в первую очередь, знамениты годы, наступившие после победного 1945 года? Страна в целом и Библиотека в том числе залечивала раны, нанесенные войной. Восстанавливалось все, начиная от поврежденных зданий до кадрового потенциала: многие сотрудники погибли на фронтах войны, еще больше умерло в период блокады; из Мелекесса возвратились эвакуированные фонды, эшелонами поступали реквизированные, так называемые трофейные фонды. Остро не хватало помещений под быстро растущие фонды Библиотеки и читальные залы, в которые пришли новые читатели и число которых быстро росло [4].

В конце 1940-х — начале 1950-х годов прогремело знаменитое «Ленинградское дело», впрямую коснувшееся Библиотеки. Развернувшаяся борьба с космополитами, вызванная ею «аттестация» сотрудников ГПБ в начале 1950-х гг., а по сути — идеологическая чистка кадров от враждебных и неблагонадежных элементов, имевшая поистине катастрофические последствия для нашей Библиотеки, от которых она долгие годы не могла оправиться, тоже была знаковым событием этого времени. Наконец, начавшееся после 1953 г. исправление перекосов, связанных с культом личности Сталина, и знаменитый XX съезд КПСС в 1956 г. как бы подводили итог этому послевоенному периоду. Так мы и остановились на 1956 году, выбрав его в качестве верхней границы 4-го тома. Леонид Александрович удовлетворился нашими объяснениями.

Итак, 1946—1956 гг., всего 11 лет, но не следует забывать, что в эти годы значительно вырос штатный потенциал Библиотеки и число служивших в ней резко возросло.

Следующим этапом нашей работы с Людмилой Борисовной было составление словника будущего тома. И здесь не могу не сказать самых добрых слов в адрес нашего Отдела архивных документов. На него легла большая нагрузка. Прежде всего в архиве мы проводили целые дни, просматривая абсолютно все приказы за 1946—1966 г. Почему до 1966 года, хотя верхней границей был выбран 1956 г.? Дело в том, что сотрудник — персонаж будущего 4-го

тома — мог поступить на работу и в 1953, и в 1954, и в 1956 г., и мы должны были проверить, продолжал ли он свою работу и после 1956 года или вскоре уволился. Работали мы в паре: одна из нас подряд зачитывала из приказов по штату фамилии сотрудников — поступление, движение по штату, увольнение, перемену фамилий и т. д.; другая отмечала все эти сведения на карточках в картотеке, которая росла день ото дня. Приходилось все время негромко переговариваться, но это все равно мешало другим работавшим в архиве исследователям. И. С. Зверева пошла нам навстречу и разрешила объемистые тома приказов брать в отдел, где мы в течение нескольких месяцев готовили в карточках основу материала для будущего словника.

Уже на этом, первичном этапе составления словника его составители начали руководствоваться в основном теми основополагающими принципами отбора, которые были приняты для всего издания в целом и особо уточнены при подготовке предыдущего 3-го тома.

В материалах для будущего словника в первую очередь отражались имена руководящего персонала Библиотеки (директоров, заместителей директоров, ученых секретарей, заведующих отделами, секторами, филиалами, читальными залами, аспирантурой и другими подразделениями Публичной библиотеки); библиотечных служащих (от помощников библиотекаря до главных библиотекарей), научных сотрудников. Кроме штатных сотрудников, выявлялись фамилии нештатных и временных сотрудников, выполнявших часто очень важные виды работ в Библиотеке — к примеру, научную систематизацию отраслевой литературы и организацию соответствующего отраслевого отдела в систематических каталогах, разработку отдельных отраслевых разделов ББК, подготовку каталогов отдельных коллекций Рукописного отдела или научное описание какого-либо фонда и т. д. [5].

На этом этапе не включались в материал для будущего словника имена технического персонала: водопроводчиков, электромонтеров, уборщиц, пыльщиц, кочегаров, гардеробщиков, лифтеров и т. д. Почему я подчеркнула «на этом этапе», я объясню чуть позже.

В итоге нами с Людмилой Борисовной была составлена предварительная картотека, отразившая около 2130 имен.

Следующим этапом нашей работы стал «прогон» всей картотеки по личным карточкам сотрудников, хранящейся в ОАД. Для чего этого было нужно? Во-первых, не все приказы сохранились в архиве, что нами было обнаружено при их сплошном просмотре. Не вдаваясь в причины такого положения (возможно, их было немало), мы отдавали себе отчет, что выявленные нами имена, — это еще не все, которые найдут свое отражение в будущем словнике. Кроме того, на основе личных карточек становилось ясным, когда сотрудник увольнялся (а немало случаев было, что он и возвращался на работу в Библиотеку, причем за пределами 1966 г., т. е. границы изученных нами приказов), когда происходила смена фамилии — под новой, связанной с замужеством фамилией нам этот сотрудник был хорошо известен, но фамилия была изменена тоже после 1966 г. и т. д.

Хочу подчеркнуть, что мы просматривали личные карточки сплошь все, в том числе и технического персонала. И вот что нами было обнаружено: в 1948—1952 гг. в Библиотеке работал кочегаром Шота Поликарпович Балавадзе. Казалось бы, кочегаров мы изначально не собирались брать. В личной карточке насторожила причина увольнения — «в связи с подготовкой к защите диссертации в Пед. институте им. Герцена». Личного дела на кочегара не было. В ГАК обнаружили авторефераты кандидатской и докторской диссертаций, многочисленные книги. Он был первым доктором наук в Узбекистане. О нем много чего удалось найти и по электронной почте познакомиться с его дочерью Тамрико Балавадзе — крупнейшим психологом Грузии.

Еще один пример и тоже с кочегаром Хасаном Алпысбаевичем Алпысбаевым. Он работал кочегаром в Библиотеке в 1954 г., а пришел к нам (тоже удалось установить только по личной карточке) с должности старшего научного сотрудника Киргизского филиала АН СССР. В итоге выяснилось, что он стал крупным историком, археологом, автором многочисленных научных пуб-

ликаций, канд. ист. наук, автором научной периодизации древнейшей и древней истории Казахстана.

Ситуация объясняется просто: молодым специалистам с периферии, для того чтобы заниматься в архивах и библиотеках, готовить диссертации к защите нужна была работа с пропиской и жильем в Ленинграде, что они и получали, устроившись к нам кочегарами.

Во многих случаях на этом этапе мы обращались к личным делам сотрудников, особенно в тех случаях, когда возникали сомнения, стоит ли оставлять имя данного сотрудника для дальнейшего решения о включении в словник. В личных делах, как известно, есть либо листок по учету кадров, либо автобиография, а чаще всего и то, и другое. Ознакомление с личными делами на этом этапе позволяло нам принять обоснованное решение о включении имени данного персонажа в окончательный вариант словника.

Следующим этапом был «прогон» всего массива выявленных сотрудников по сканированной версии ГАК. Таким образом мы могли определить наличие печатных произведений целого ряда наших будущих персонажей, отчасти проследить их дальнейший путь за пределами нашей Библиотеки или, наоборот, выявить, чем занимался тот или иной сотрудник до прихода на работу в нашу Библиотеку. Наконец, начался внимательный и придирчивый отбор имен для оставления в словнике словаря. Составители, как и в предыдущих томах, принимали во внимание некоторые формальные критерии — прежде всего стаж работы в Библиотеке.

В корпус словника 4-го тома, как и предыдущего 3-го, включались имена библиотечных работников, прослуживших в Библиотеке не менее 10 лет, что связано как с общим увеличением числа работавших, так и со стремлением дать сведения о тех сотрудниках, которые — в силу продолжительности срока службы — внесли определенный вклад в деятельность Библиотеки как важнейшего учреждения культуры. Как и в предыдущих томах, это требование не распространялось на лиц, оставивших заметный след в науке, культуре и общественной жизни. Их имена включались в словник вне зави-

симости от продолжительности службы в Библиотеке. Критерием для включения их имен в словник, как и в других томах, считалось наличие хотя бы одной печатной работы. Не распространялся этот критерий и на лиц, подвергшихся необоснованному увольнению в следствие работы Аттестационной комиссии 1951—1952 гг. Их имена включены в словник независимо от срока их работы в Библиотеке.

В словник включен и ряд лиц, не проработавших в Библиотеке 10 лет, но почти всю свою трудовую жизнь посвятивших библиотечному делу и трудившихся в других различных библиотеках и архивах Ленинграда и других городов нашей страны.

Проведя на основании перечисленных критериев отбора анализ выявленных имен сотрудников, мы оставили в словнике 740 имен. Если на всех предварительных этапах мы информировали Леонида Александровича о наших находках, делились с ним нашими сомнениями и решениями, то окончательный вариант словника мы ему показать не успели — от готов был только к самому концу декабря 2006 года, когда наш учитель уж ушел из жизни.

Но одну очень важную вещь нам согласовать удалось. Дело в том, что уже при подготовке 1-го тома встал вопрос об иконографии. Хотелось дать портреты всем нашим сотрудникам, однако при тех технических возможностях, которые были в тот период (1994—1995 гг.) и подготовке тома к юбилею, да еще средствами высокой печати в типографии им. Володарского, никакой бюджет выдержать иллюстрирование справочника бы не смог. Нам сразу пришлось отказаться от этого пути, и в конце справок, для которых были найдены иконографические материалы, сделать следующую словесную вставку «Иконогр.:» и источник, где можно увидеть портрет данного сотрудника.

Через 10 лет ситуация изменилась: существуют средства интернет-поиска иконографии наиболее известных лиц, в личных делах сотрудников, хранящихся в ОАД РНБ, в листках по учету кадров в подавляющем большинстве случаев есть, хотя и не очень хорошие, но все же фотографии, там же есть фонд фотографий, где так же часто можно найти портреты наших героев. Мы с

самого начала поставили своей задачей любыми путями собрать в электронном виде портреты сотрудников, чьи имена попали в словник 4-го тома и получили на это добро от Л. А. Шилова. Работа велась не только по архиву, но и по любым изданиям, где была помещена иконография наших персон. В полной мере использовался интернет-поиск. Кропотливый и тщательный поиск по архивам и изданиям в течение двух с лишним лет (с 2007 г. по середину 2009 г.) выполняла Л. К. Киселева. Поистине, виртуозное сканирование найденных фотографий и поиск в Интернете осуществляли М. Ю. Матвеев и С. И. Трусова. В настоящее время накоплен огромный электронный банк данных фотографий наших сотрудников — 1087 портретов для 700 с лишним персонажей 4-го тома — для некоторых сотрудников собраны не по одной фотографии за разные годы.

Я далека от мысли, что мы сможем поместить портреты наших героев в изданном в будущем 4-м томе. Но повесить этот банк данных на сайте нашей Библиотеки и во всех случаях связать портреты со справками 4-го тома — дело весьма реальное. А подготовкой к запуску этого массива занимаются вместе Л. Б. Вольфцун и В. А. Черноусова.

Итак, к январю 2007 года словник был готов, и мы обратились к поиску авторов.

В свое время Леонид Александрович при подготовке каждого из трех томов сокрушался, что вот опять, в который уже раз, набрали много авторов, и так трудно получить от них готовый результат, да еще многие дают такое качество справок, что фактически приходится переписывать все заново. «Не наступите на те же грабли, — напутствовал он нас, — лучше собрать 12—15 наиболее опытных, пишущих авторов, понимающих, какой должна быть статья для справочного издания, и дело пойдет быстрее и легче».

Немного статистики:

в 1-м томе — более 400 справок, написанных 45 авторами;

во 2-м томе — более 350 справок и 96 авторов;

в 3-м томе — более 550 справок и 131 автор,

в 4-м томе — 740 справок и 150 авторов;
из которых 100 человек принимали участие в словаре впервые.

Наступили ли мы на те же грабли? В известной мере, конечно. Когда слишком много авторов, с ними работать сложнее, качество справок, порой (об этом подробно ниже) не подлежит никакой критике. Известно, что от ряда авторов получить готовые справки столь же трудно, как покорить Монблан, но... Все то же педагогическое значение нашего словаря не позволило нам ограничить желающих принять в нем участие, более того, в ряде случаев мы с Людмилой Борисовной выступали побудителями, объясняя руководителям отделов, групп, просто сотрудникам, что предлагаемая к написанию справка посвящена сотруднику, 20—30—40 лет отработавшему в их подразделении, и кто как ни его преемники будут писать о нем.

В течение 2007 г. шло распределение включенных в словник имен для написания справок о них. Чтобы получить единообразное наполнение биографических справок и рекомендовать авторам соблюдать правила написания самого текста, а также приведения сочинений наших персонажей, литературы о них, справочников, в которых отражены биографические сведения, указания на архивные источники, была разработана небольшая инструкция по написанию справок и разослана всем заведующим отделами, сотрудники которых выразили желание участвовать в этой коллективной работе. При этом мы просили размножить эту инструкцию и раздать всем авторам будущих справок.

С начала 2008 г. мы стали активно напоминать нашим авторам о необходимости предоставить готовые материалы.

Чтобы управляться с таким солидным авторским коллективом и таким огромным количеством справок, необходима была четкая организация и жесткий самоконтроль, что мы с Людмилой Борисовной и постарались отработать с самого начала.

Немного об организации нашего труда. У нас изначально были выделены 2 картотеки: 1) основной словник (740 имен) и 2) картотека отсева — 1380 имен. На каждую карточку основного словника была занесена фамилия

автора-исполнителя. Не думайте, что это был очень легкий и безболезненный процесс: эти сведения часто менялись, причем без согласования с составителями словника (кто-то кому-то передал своего героя, или, наоборот, кто-то изъявил желание писать о конкретном персонаже, а он уже достался другому автору, или заведующий отделом сам выбрал 5—10 персон для написания и распределил, а потом и перераспределил их между авторами в своем отделе, или еще хуже — сотрудник какого-либо подразделения выразил желание писать о каком-то персонаже, а потом к концу 2007 г. выяснилось, что по производственной необходимости руководитель подразделения не утвердил его планов, и персонаж вновь возвращался к нам и т. д.). Некоторые готовые справки вообще были не дописаны, и пришлось тратить время на поиски авторов. Поверьте, нам с Людмилой Борисовной при распределении персонажей в работу пришлось преодолеть немало непростых ситуаций.

Картотека эта неприкосновенна, т. е. авторам разрешается пользоваться ею, переписывать сведения, собранные нами с Людмилой Борисовной в архиве, переносить сведения о работах своих персонажей (мы распечатали их из ГАКа и соединили с карточками), но вынимать карточки, как и из всех наших библиотечных каталогов, никому не позволено.

Для удобства нашей с Людмилой Борисовной работы мы перевели эту картотеку в печатный список — словник. Кроме того, нами был составлен печатный список авторов с указанием персонажей, о которых эти авторы пишут справки. Если печатный словник — стабильный список, то второй с перечнем авторов — постоянно менялся и меняется: по мере сдачи нам в работу готовых справок, он, к счастью, уменьшался, уменьшался и сейчас практически исчерпан — в нем осталось не более 5 несданных биографий.

Итак, печатный словник был нами превращен в солидный контрольный аппарат. У каждого персонажа были заведены следующие графы: фамилия автора-исполнителя; дата сдачи автором текста; фамилия редактора и дата, когда редактор приступил к работе со справкой; фамилия нештатного наборщика-корректора и дата, когда ему передан текст для внесения исправлений; дата

возврата исправленного текста; дата второй редакции текста; дата передачи текста на окончательный контроль библиографического редактора; дата возврата готовой справки в отдел.

Мы с Людмилой Борисовной сразу четко распределили обязанности: все первоначальные справки, написанные авторами, в печатном и электронном виде поступают к ней и хранятся в папках (печатные варианты) и в ее компьютере (электронные варианты). Кроме того, к ней собирались и рукописные варианты, т. к. в работе над словарем активное участие приняли и наши пенсионеры, не владеющие компьютерным набором. В этом случае рукописный вариант передавался в набор нештатным наборщикам с обязательным указанием даты передачи и фамилии наборщика и даты возврата набранного текста. Мы с Людмилой Борисовной взяли на себя функции первичных редакторов. Порциями по алфавиту мы брали в редактирование готовые справки: к настоящему времени Людмилой Борисовной в первой редакции отработано 260 справок, мною отредактировано в первой редакции 290 справок, т. е. общее число прошедших первую редакцию составляет 550 справок из, напоминая, 740 отраженных в словнике. Кроме того, мною выполняется сплошное повторное редактирование (своего рода контроль качества редактуры и авторского текста), вторая редакция всего массива, т. е. к настоящему моменту — более 520 справок. Такое положение вещей объясняется тем, что, когда Людмила Борисовна только приступала к редактированию, это был ее первый опыт работы в этом качестве, и учиться приходилось на ходу. Надо сказать, что она в полной мере справилась со стоявшей перед ней задачей.

В моем компьютере сосредотачиваются справки с внесенными исправлениями на этапе первой редакции. После внесения исправлений, сделанных на второй редакции (это выполняет наш молодой и просто талантливый сотрудник С. И. Трусова, и эти справки сосредоточены в ее компьютере) массив готовых справок порциями передается С. Н. Котломановой. Именно она осуществляла контроль за библиографической и литературной редакцией трех предыдущих томов, и мы очень рады, что она сочла возможным выполнять

этот вид работы и для 4-го тома словаря. В настоящий момент у С. Н. в работе 110 справок.

Кроме разделенных на 3 версии компьютерных блока все варианты редакции хранятся отдельно в виде распечаток с исправлениями в папках, и в любой момент каждый сотрудник нашего отдела или любого другого может обратиться к любому варианту справки для уточнения (к сожалению, это часто происходит в связи с печальными событиями).

Полученные от С. Н. справки также хранятся в определенных папках, ожидая в конечном итоге, когда все эти этапы будут пройдены, окончательно, четвертого сплошного просмотра единообразного приведения и расположения однотипных фрагментов текста (например, сведений об общественной работе, наградах и т. д.).

Да, забыла сказать, что каждый редактор работает, главным образом, своим цветом чернил. Это не прихоть или ненужное позерство. Просто по цвету чернил мы сразу можем определить, кто из редакторов внес исправления, и уточнить что же именно вызвало его несогласие, если это непонятно из текста исправления.

Теперь содержательно о том, чем же мы занимаемся с Л. Б. и почему, собственно, по мнению многих, не понимающих сути этой работы или просто не знакомых с такой работой, процесс редактирования идет, с их точки зрения, черепашьими шагами.

Для наглядности мы решили вас ознакомить с некоторыми примерами. Ни в коем случае мы не хотим упрекать авторов: они сделали то, что могли. Хотя, должна вам сказать, что, если бы они сочли для себя возможным, следовать полученной инструкции, ознакомиться с предисловиями к первым трем томам и просматривать какие-либо справки, в них помещенные, результаты были бы лучше. На основе анализа уже отредактированного массива (550 справок) можно сделать некоторые обобщающие выводы: 90 % справок редакторам приходится повторно прорабатывать по архиву РНБ, т. к. сведения, приведенные авторами, либо неточные, либо взяты не все необходимые для напи-

сания справки. При этом практически все авторы ограничились данными, отраженными в личных делах, а эти данные далеко не всегда содержат информацию, чем же именно занимался сотрудник, работая в Библиотеке. Редакторы заново изучают личные дела, личные карточки, отчеты отделов, в которых работали наши герои, обследуют другие, содержащиеся в архиве, в отделе рукописей, документы. Обязательно обследуют библиографические труды, посвященные нашей Библиотеке, все печатные источники, где могут найтись сведения о том или ином персонаже, ведут интернет-поиск. Это только небольшая схема нашей с Л. Б. работы. В итоге окончательный вариант справки зачастую полностью отличается от того, который предоставил автор. Редакторского текста получается больше, чем авторского. В таких критических случаях мы коллегиально принимаем решения о включении фамилии редактора в качестве соавтора. К настоящему времени таких справок у Л. Б. накопилось 20, кроме 17, написанных ею самой. У меня подобных совместных творений 32 и 9, написанных мною самостоятельно. Теперь следует поговорить о принципиальных отличиях, характеризующих 4-й том, и характере работы над ним.

Снова немного статистики:

в 1-м томе из 400 справок нам не удалось установить даты жизни (либо обе, либо дату рождения или смерти) для 141 персон;

во 2-м томе эти цифры следующие:

из 350 справок — у 95 персон;

в 3-м томе — из 550 справок — у 141;

в 4-м томе на настоящий момент — из 740 справок для 35 человек.

И авторы, и редакторы этих томов сделали все, что могли в свое время. Кроме того, напомню, что и сами редакторы работали в то время в разных подразделениях, не было единого формализованного аккумулирующего центра для выполнения обобщенных фронтальных работ, например, сконцентрированного у одного сотрудника поиска сведений о годах жизни персонажей. Все держалось на личном подвижничестве Л. А. Шилова. Правда, уже при работе над 3-м томом, на временную работу была оформлена, ныне покойная

А. Б. Энглина. Она обошла несколько жилконтор, и ей удалось уточнить даты смерти чуть менее 10 сотрудников. Столкнувшись с небрежным и не всегда гостеприимным приемом работников этих служб, А. Б. отказалась от этой работы. Некоторое число дат смерти сходным путем установила П. Л. Вахтина. Других возможностей у нас в тот период не было, отсюда такое большое число «незакрытых» или вообще отсутствующих дат жизни.

Работу над 4-м томом с самого начала, когда был готов словник, мы построили принципиально иначе. На этот раз работа над всем массивом, к счастью, была сосредоточена в одном отделе. Тяжкую ношу по установлению дат жизни всем включенным в словарь персонажам взяла на себя Э. Е. Алексеева.

Ей была предоставлена полная копия словника, и работа началась. Прежде всего были выявлены живые и работающие до сих пор сотрудники. Через Совет ветеранов РНБ были выяснены сведения о живых, но уже ушедших на пенсию сотрудниках. В процессе общения с ними удалось выяснить какие-либо сведения и о некоторых других. Дальше мы не зря просили авторов, если Вы помните, указать в справке адрес последнего местожительства персонажа, что, впрочем, было сделано не всеми авторами. Э. Е. уточнила эти данные для всех персоналий. Далее по адресам были сформированы блоки лиц, которые жили в пределах районов, относящихся к отдельным загсам и жилконторам. Во все эти учреждения были разосланы письменные запросы. Вариантов было много: куда-то пришлось ехать, что-то уточнять. Как правило, поступавшие ответы содержали сведения о том, что искомая персона переехала по другому адресу. Запрос посылался Э. Е. уже в новый загс. Так, с одним и тем же персонажем происходило порой до 4 раз. В итоге результатом была дата выписки в связи со смертью (мы это четко оговаривали в справках, т. к. эти даты порой расходились на месяц-полтора с датами смерти). Приходили ответы и о переезде в другие города и страны. Поиск продолжался и продолжается по сей день. В итоге на настоящий день удалось в результате поистине подвижнической работы Э. Е. установить точные даты жизни 705 персоналиям (из 740).

При этом Э. Е. обследовала 18 загсов, 15 отделов вселения и регистрационного учета граждан, архивный комитет по СПб и Ленинградской обл., Комитет по труду и социальной защите населения, жилищный комитет, Комитет по делам записи актов гражданского состояния СПб и ЛО, Военный комиссариат СПб и ЛО, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, СПб академию театрального искусства, Центральный государственный архив историко-политических документов, Центральный военно-морской архив (г. Гатчина), Объединенный архив комитета по образованию, Центральный архив документов по личному составу ликвидированных предприятий, БАН, ГПИБ, Управление федеральной миграционной службы по СПб и ЛО (УФМС), Институт лингвистических исследований РАН.

А теперь о самой интересной и важной части коллективной составляющей работы над 4-м томом.

В предыдущих трех томах мы ограничивались описанием работы наших сотрудников в нашей Библиотеке и предшествовавшей поступлению в Библиотеку. Это все отражалось в личных делах. А вот если удавалось проследить жизненный путь и деятельность персонажа после увольнения из нашей Библиотеки, — это были редчайшие и уникальные случаи. Подобные задачи мы с Л. А. Шиловым не могли в тот период поставить перед авторами, не было таких возможностей поиска, которые появились сейчас.

Сейчас условия совершенно другие, появились принципиально иные возможности, и мы поставили перед собой сразу иную задачу, вернее сверхзадачу. Проследить весь жизненный путь и отразить деятельность всех наших персонажей за весь период их жизни, в том числе и после ухода из Библиотеки. А ведь многие увольнялись в возрасте 25—30 лет по разным причинам: уход в аспирантуру, переезд в другой город и т. д. Причин было бесчисленное количество. Но ведь мы уже установили, что персонаж включен в словник, т. к. в будущем у него появились труды. Большинство наших авторов в тех случаях, когда их герой уходил из Библиотеки, указывало дату увольнения и

писали «Сведений о дальнейшей деятельности и судьбе установить не удалось».

Впрочем, были и другие варианты. Например, «Дальнейшую деятельность можно проследить по трудам, отраженным в ГАК. См.». Или еще лучше: «После увольнения из Библиотеки, по воспоминаниям сотрудников, он регулярно заглядывал в гости перед 8 марта и всегда приносил в подарок торт». согласитесь, что вряд ли подобные сведения мы можем привести в словаре, который является справочным изданием и создается по определенным правилам.

Все подобные справки, если нам с Л. Б. не удастся справиться с поиском самим, или если поиск очень трудоемок (не можем же мы бросить редактуру всего основного корпуса и погрузиться на несколько дней, а то и недель в поиск недостающих сведений, да и не являемся мы виртуозами подобного поиска) поступают к нашим настоящим виртуозам И. Г. Матвеевой, С. И. Трусовой и Н. Л. Щербак. Что и как им удастся найти, заслуживает особого, долгого и неторопливого рассказа. Поверьте, таких поисковиков, как они, в нашей Библиотеке нет больше ни в одном отделе. Это я говорю с полной ответственностью. Я просила моих коллег подобрать несколько примеров и, если позволите, Вам их оглашу.

Пример поиска Н. Л. Щербак.

Первоначальные сведения из ОАД РНБ:

КАГАНОВИЧ Илья Залманович (родился 8 ноября 1921, Белоруссия, г. Гомель).

Из семьи служащих. В 1939 окончил ср. шк. в Гомеле и в этом же году был призван в ряды РККА. Во время Великой Отечественной войны был младшим командиром в артиллерийских, авиационных и пехотных частях Ленинградского, Западного, Донского и 3-го Украинского фронтов. В боях был контужен и дважды ранен. В 1946 г. был демобилизован в звании старшего сержанта. В этом же году поступил в ЛГУ на экономический факультет.

5 апреля 1950 зачисляется на временную работу в ОФО ПБ в должности библиотекаря Русского книжного фонда, занимается расстановкой книг. 26 июня 1950 увольняется по собственному желанию.

Как я уже отмечала, составители словника проверили сведения об этом персонаже по ГАК и установили, что он в 1955 г. защитил в Ленинградском финансово-экономическом институте кандидатскую диссертацию «Использование производственного оборудования и себестоимость сланцевого жидкого топлива в сланцеперерабатывающей промышленности Эстонской ССР», а в 1971 г. в Институте экономики Эстонской АН ССР защитил докторскую диссертацию «Исследование обратных связей в народном хозяйстве и оптимизация отраслевых комплексов» с присвоением ему ученой степени доктора экономических наук. Этот персонаж обоснованно был включен в словник.

Для поиска дальнейших сведений о нем пришлось сначала обратиться в архив Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, чтобы просмотреть его личное дело как аспиранта.

Из личного дела Кагановича, хранящегося в этом архиве, стало известно, что в 1951 он с отличием окончил экономический факультет ЛГУ и по распределению был направлен на работу в Институт экономики АН ЭССР, где с 1951 г. работал младшим научным сотрудником сектора экономики промышленности.

В Институт экономики Эстонской академии наук было направлено официальное письмо, но ответа, к сожалению, не последовало. Тогда было решено обратиться за помощью к нашей коллеге, заведующей отделом редкой книги Национальной библиотеки Эстонии Ларисе Ильиничне Петиной. Она прислала отсканированную статью о Кагановиче из «Словаря эстонской науки» (Таллинн, 2000), в которой сказано, что Илья Залманович Каганович с 1958 по 1963 г. — старший научный сотрудник сектора размещения производства Института экономики АН ЭССР. В 1963—1987 гг. — заведующий сектором системного анализа. В 1977 г. ему было присуждено ученое

звание профессора. В 1987—1993 гг. был главным научным сотрудником этого Института. В 1993 г. уехал в США. Ни штат, ни город не были обозначены.

Для того чтобы узнать дальнейшую информацию о Кагановиче, пришлось обратиться на общеизвестный сайт «Одноклассники. Ру». На сайте есть группы «Найду тебя», «Ищу тебя», «Ищем все и всех» и т. д. На форуме данных групп есть тема «Поиск по США». Н. Л. Щербак обратилась во все данные группы с просьбой помочь разыскать необходимые сведения. Уже через два дня пришел ответ, что Илья Залманович Каганович жив, проживает в г. Блумингтон (штат Индиана) и приведен адрес его электронной почты.

Сообщенные сведения оказались правильными, далее общение велось по электронной почте. Илья Залманович был очень удивлен и благодарен за внимание. В первом же письме он написал: «Благодарю Вас за внимание к моей скромной персоне. Не скрою, оно мне приятно — по той причине, что время, когда я работал в Публичке, запомнилось мне как одно из самых отрядных в моей трудовой биографии. Быть вхожим в святая святых, мог сколько угодно пользоваться богатейшим книгохранилищем при добром отношении со стороны сотрудников — не работа, а удовольствие. К сожалению, вскоре должен был уволиться: предстояло писать дипломную работу».

Поиск Э. Е. Алексеевой и И. Г. Матвеевой.

Сведения из ОАД РНБ.

В приказе № 115 за 1948 г. значится, что с 20 апреля 1948 г. в ГПБ зачисляется начальником отделения фондов и обслуживания Военного отдела Павел Дмитриевич Бублик, подполковник в отставке. Личного дела и личной карточки в ОАД нет. Кроме того, нет и никаких дел Военного отдела. По ГАК РНБ выяснилось, что в 1971 г. вышла книга Павла Дмитриевича Бублика «От Таллина до Селигера», изданная в Таллинне.

Появились законные основания включить его имя в словник.

Изучив всю книгу, смогли установить следующее:

Павел Дмитриевич БУБЛИК родился в 1917 г. в городе Изюм Харьковской области.

После окончания семилетки в 1931 г. поступил в ФЗУ, стал аппаратчиком стекловаренных печей, варил оптическое стекло. Будучи на срочной службе в Кронштадте, прошел должности командира отделения, помощника командира взвода, зам. политрука и политрука роты, был избран секретарем бюро ВЛКСМ отдельной части. В январе 1941 г. 31-й отдельный стрелковый батальон Балтийского флота, в котором он служил прибыл в Таллинн и получил задание охранять Главную базу Балтийского флота. С началом войны 31-й батальон сооружал оборонительный рубеж на юго-западной окраине города. Когда город был взят немецкими войсками, батальону пришлось сквозь оккупированную территорию добираться до своих войск. Бублик был назначен секретарем партбюро 159-го армейского запасного стрелкового полка 27-й, а затем 4-й ударной армий. Конец войны застал Бублика в составе 10-й гвардейской армии в Курляндии. 24 июня 1945 г. он принимал участие в Параде Победы на Красной площади в Москве. После Парада снова назначен в Таллинн зам. командира по политчасти батальона. С 1946 г. член ЦК ЛКСМ Эстонии. Работал в Эстонии до 1948 г.

В 1950 г. окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина и служил инспектором в Политуправлении ЛВО. Других сведений в книге не было.

Так как Бублик служил в морской пехоте, то были основания обратиться в Гатчину в Центральный военно-морской архив. Получили ответ, что материалами о Бублике этот архив не располагает. Решено было обратиться в Центральный архив М-ва обороны РФ в Подольске. В ответ получили рекомендацию обратиться в военный комиссариат по месту жительства Бублика, который (военкомат) отправит, при необходимости, запрос снова в Подольск. Поскольку мы не располагали сведениями об адресе, этот путь был исчерпан.

Обратились в военкомат СПб, где проверили по живущим и скончавшимся отставным военным. Наш персонаж в СПб не числился на 2008 г.

Велся поиск и по Интернету. Была обнаружена эл. версия книги Н. Г. Михайловского «Таллиннский дневник» (1985 г.), в которой Н. Г. Михайловский, описывая встречу с Бубликом, отмечал, что тот жил в 1970-х гг. в г. Украинка УССР.

Поисковики позвонили в библиотеку г. Украинка, где сообщили, что Бублик действительно жил в этом городе, был их читателем, работал в школе и много занимался с детьми. Обратились в школу, в надежде получить личное дело. Оказалось, что в школе он работал на добровольных началах и л. д. нет. Обратились в Совет ветеранов войны г. Украинка. По имеющейся у них картеке нам сообщили точные даты жизни Бублика (28 мая 1917 — 13 апреля 2004 г.). Кроме того, в 2005 г. в их городе вышла книга «Это нужно живым» (К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне) и переслали нам по почте биографическую статью о Бублике.

Таким образом удалось установить следующее.

С 1950 г. перешел в Ростовское высшее командно-инженерное училище, в котором прослужил 22 года. В 1971 г. переехал на постоянное место жительства в г. Украинка (Киевской обл.), где работал в школе № 1 наставником молодежи. Вывозил школьников в лагерь смерти «Саласпилс». Публиковал статьи в местной газете «Заря Жовтня» и «Дети и мы». В 1990 г. приглашен на Парад Победы в Москву. Опубликовал две книги воспоминаний.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945», орденом Отечественной войны II степени.

На все уточнения сведений пошло 9 месяцев.

Примеров можно приводить много, не один десяток, и все они разные, и все иллюстрируют блестящие эвристические способности наших поисковиков.

Хотелось бы отметить одну очень важную деталь. В ходе поисков нам помогали самые разные люди, и мы, конечно, в предисловии к словарю постараемся всех их отметить и поблагодарить.

И теперь об обещанной педагогической составляющей, о которой мы даже не подозревали, начиная эту работу. Поиски очень часто приводили нас к тому, что нашего персонажа, к сожалению, нет в живых, но удавалось обнаружить вдов, детей, племянников, внуков. Вы даже представить себе не можете реакции родственников, когда они узнавали, для чего мы ищем их мужа, жену, отца, мать, бабушку, тетю. От полного удивления — до полного восхищения и самого доброго чувства в адрес нашей Библиотеки, которая помнит об их родственнике, работавшем у нас. Они не только делились с нами необходимыми сведениями. Они передавали нам фотографии, рукописные материалы, связанные с нашей Библиотекой. Они заинтересованно следят за нашей работой. Я думаю, что к моменту завершения работы над 4-м томом у нас соберется немало архивных документов, которые мы, безусловно, передадим в наш архив.

Теперь ответ на часто возникающий у наших руководителей вопрос: «А чем, собственно, еще в плане Словаря занимается ОИБД, когда на Словарь работает вся Библиотека?». Отвечаю. К настоящему времени сотрудниками ОИБД написано около 120 справок самостоятельно (отмечу, что писали все до одного сотрудника, включая молодежь и С. В. Белова) и 105 доработаны в соавторстве.

Теперь о сроках. 2-й и 3-й том Словаря готовились одновременно — всего вместе 900 справок. Работа над ними заняла 9 лет — 1995 по 2003 г. В нашем 4-м томе — 740 справок, мы работаем еще только 5 лет. Предполагаем завершить работу над томом и сдать его в издательство РНБ в конце 2011 г.

Мы торопимся изо всех сил завершить нашу работу, понимая, как ждут ее наши еще живые ветераны и как быстро они уходят, так и не дождавшись выхода словаря, как ждут его их дети и внуки. Поверьте, мы занимаемся работой со значительным превышением отведенных на это по нормам объемов. И не только на работе в рабочее время готовим этот том. Ведь, например, в Аме-

рику при разнице во времени можно звонить только из дома, и сведения из платных баз данных можно получать, только за свой счет оплачивая поиск.

Мы и сами знаем, что выход 4-го тома словаря — это труд, достойный памяти нашего учителя Л. А. Шилова.

Список источников:

1. Михеева Г. В. Биографика как фундамент создания истории Российской национальной библиотеки // Нац. б-ка. 2018. № 2 (12). С. 15–17.

2. Михеева Г. В. История Российской национальной библиотеки (традиции, подходы, современные тенденции изучения) // Библиография. 2020. № 3 (428). С. 3–18.

3. Михеева Г. В. Отделенческая система в Императорской Публичной библиотеке (исторический очерк) // Клио. 2018. № 2. С. 147–154.

4. Михеева Г. В. Российская национальная библиотека в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 2020.

5. Михеева Г. В. Предисловие // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биограф. слов. СПб., 2013. Т. 4.